

```` Пока Пенни была погружена в свои мысли, люди в комнате не могли отвести глаз от Демиана, услышав его слова. Очень немногие вампиры называли своих рабов настоящими именами, что вызвало удивление. Демиан заметил пристальные взгляды, но не стал обращать на них внимание — у него были другие заботы. Пенни же старалась вести себя как примерная рабыня: сидела с опущенной головой, глядя в пол. Вскоре она почувствовала на себе взгляды двух вампиров — мужчины и женщины, которая раньше выпорола рабыню. Пенни прекрасно осознавала, какая опасность ей угрожала, поэтому вела себя крайне осторожно и тихо. В какой-то момент даже задалась вопросом: позволено ли ей дышать? Сидя на полу рядом с Демианом и молча слушая светскую беседу вампиров, она возблагодарила судьбу, что время не тянулось слишком медленно, когда пришло время уходить. Теперь, следуя за Демианом, она держалась ближе, на расстоянии двух шагов, опасаясь, что может с ней произойти что-то плохое. Она знала, что женщины более грубы и жестоки, когда дело касалось демонстрации власти, но леди Ювейн превосходила всех, кого она встречала. Не имея возможности понять природу вампиров, особенно Демиана, Пенни решила, что все они бессердечны, но надеялась, что хозяин не оставит её в таком месте и не допустит жестокого обращения с ней. Он обещал, что она будет в безопасности рядом с ним, и теперь она полностью на него полагалась. Пока Демиан прощался с леди Ювейн, Пенни увидела, как к ней направлялась леди Сентенсия. Женщина была выше её, возможно, даже ростом с Демиана. У неё было худощавое телосложение, скрытое меховой шубой, которую она сняла, чтобы продемонстрировать платье, плотно облегающее её фигуру. Длинные каштановые волосы спускались ниже талии, а челка заканчивалась чуть выше глаз. Ярко-красные губы выделялись на её бледном лице. — Как тебя зовут, рабыня? — спросила леди Сентенсия, её голос был спокойнее, чем у леди Ювейн. Эта дама была подругой Демиана и одной из немногих женщин, которые никогда не пытались привлечь его внимание, поскольку были его дальними родственницами. Леди Сентенсия, столь же наблюдательная, как и Демиан, заметила, как участился пульс Пенни при слове «рабыня». — Пенелопа, — ответила Пенни, не проявив интереса к любезностям. Разве леди не видела, как рабыню выпороли? Она ответила только потому, что ощущала над собой нож, готовый упасть. — Не будь так враждебна. Иначе это не закончится для тебя добром, — сказала леди Сентенсия, голос её звучал как совет, который мог бы помочь девушке в будущем. Вампирша отвернулась и присоединилась к группе, разговаривавшей с Демианом. Вернувшись в карету, Демиан бросил взгляд на Пенни и увидел, что она выглядит подавленно. — Это был слишком сильный шок? — спросил он, слегка скривив губы. — Я родилась в среде, где с мужчинами, женщинами и детьми не обращаются так пренебрежительно. Люди обладают свободой выбора. Они никогда не угощали чаем, потому что это считалось роскошью. — Разве это не очевидно? Люди, с которыми ты жила, не могли позволить себе достойную жизнь. Иметь раба и обращаться с ним таким образом — надуманная мысль, Пенелопа. — Вы считаете, что то, что сделали с той рабыней, было правильным? — спросила Пенни, и её голос стал тише. — Именно мышление человека позволяет утверждать, правильно это или нет. В одном и том же вопросе один может сказать, что это неправильно, а другой в то же время может сказать, что это правильно. Ты понимаешь, что я имею в виду? — спросил он. Пенни откровенно не поняла и даже не кивнула. Видя её недоумение, Демиан продолжил: — Неправильно, что Ювейн выпорола свою рабыню за то, за что служанка не отвечала. — Значит, она была не виновата? — спросила Пенни, чувствуя, как в ней поднимается гнев. — Осторожнее, мышонок. Держи свои эмоции под контролем. Этот мир не твой, а наш. Им управляют не просто вампиры, а чистокровные вампиры. Пенни чувствовала, будто оказалась в кошмаре, который будет повторяться бесконечно. — Многие люди, считающие себя элитой, думают, что они равны нам, но это далеко от истины. Только чистокровные вампиры обладают властью и ресурсами, позволяющими управлять так, как мы хотим. Некоторые из нас могут пообещать помощь, но эта помощь — всего лишь приманка.````